

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

УДК 330.014

В.Н.Тарасевич, д-р экон. наук

Национальная металлургическая академия Украины

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ ПЛЕМЕНИ: ДЕЯТЕЛЬНОСТНЫЙ КОНТЕКСТ

Исследуются деятельностные основания, направления и результаты институциональной эволюции племени. Акцентируется внимание на аспектах институционализации различных сфер его жизнедеятельности.

Институциональные особенности разделения деятельности

В сравнении с родовой общиной племя – универсумное образование (далее – унобр) – исторически более позднее и более сложное. Поэтому учёные не питают иллюзий в отношении простоты объяснений его становления и содержания. Отсюда проблематичность не столько меры адекватности и сложности объяснений археологов, историков, политологов, экономистов, сколько сопряжения, стыковки этих объяснений.

Первичное племя, как правило, этнически однородно¹, поскольку объединяет несколько родственных родовых общин, расселившихся на определённой территории. И хотя сообразно условиям в рамках той или иной отдельно взятой общины некоторые этнические протоинституты могут трансформироваться, в том числе и осознанно, субстанциональные основания этноса, заложенные в него самим фактом рождения – *сплав человечески-поведенческого и преддеятельностно-институционального*, – остаются неизменными². Возникающие особые этнические протоинституты отдельных родовых линий отнюдь не снижают значимости *общих* и далеко не всегда трансформируются в субэтнические. Но вместе с расселением родственных общин возникает банальная проблема совместного отправления общих культов и ритуалов. Её решение (выбор места отправления, создание соответствующих культовых центров и сооружений, согласование времени и порядка участия родственников и т. п.) невозможно сугубо этническими средствами и требует, прежде всего, активных межобщинных контактов, а затем и формирования надобщинного уровня организации. Разумеется, детерминируемая природой родственность, однородность и экспансия самоорганизующегося этноса отнюдь не исчерпывают предпосылки рождения и составляющие племенных унобров.

К VII тысячелетию до н. э. эволюция унобров обретает новые качества. Мотыжное земледелие на пригодных землях перестаёт обеспечивать достаточный объём пищевых ресурсов для непрерывно возрастающего населения. Начинается интенсивное освоение поливного земледелия. Образующиеся таким образом унобры отнюдь не однородны. К тому же они

¹ Этническая неоднородность племени появляется в результате многочисленных войн и ассимиляции не родственных общин и племён.

² Указанные субстанциональные основания этноса остаются практически неизменными на протяжении его полного "жизненного" цикла.

существуют с унобрами, исторически более ранними. Не только демографический пресс и различия природных условий "месторазвития этносов" (Л. Гумилёв), но и собственная логика деятельности, объективные пределы её напряжённости для человека при совмещении различных работ³, взаимная катализирующая опредмечивания и очеловечивания детерминируют дальнейшее разделение деятельности в нескольких взаимосвязанных направлениях. Прежде всего, речь идёт о разделении земледельческой, скотоводческой и ремесленной деятельности, деятельности между унобрами, выделении новых видов деятельности.

Наиболее очевидны эти сдвиги в **опредмечивании** (рисунок). Различные земледельческие (мотыжное, поливное, подсечно-огневое земледелие, выращивание разных зерновых культур), скотоводческие (выведение и выращивание разных пород скота, загонное, отгонно-пастбищное скотоводство, шерстопрядение и шерстоткачество, изготовление мясных и молочных продуктов) и ремесленные (изготовление земледельческих орудий, гончарных и керамических изделий и т. д.) работы постепенно закрепляются за отдельными родственными и не родственными общинами, большими семьями и их группами, а отдельные операции – за членами семей.

Разветвляющаяся специализация сопровождается изменениями в соответствующих взаимосвязях. Простая кооперация остаётся основной формой совместной деятельности, но теперь уже специализированной, и, следовательно, становится так же специализированной и так же многообразной. Необходимо следующий отсюда обмен деятельностью между родственными общинами (организация и согласование различных видов деятельности – кооперация простых коопераций, использование скота и ремесленных изделий в земледелии, а продуктов земледелия – в скотоводстве и ремесле) не может быть обеспечен внутриобщинными механизмами и протоинститутами, а потому предполагает формирование вначале более тесных межобщинных контактов и институтов, а затем и надобщинного уровня организации. Взять, к примеру, строительство и использование ирригационных сооружений. Разумеется, подобные искусственные биоценозы должны быть в достаточной мере совместимы с биоценозами естественными. Паттерны и технологии естественного опредмечивания должны отвечать природным стандартам. Так, бесполезно располагать посевы в недоступных для вод Нила местах. Столь ответственные и масштабные работы не по силам одной отдельно взятой общине. И естественное расселение общин вдоль береговой линии, и производственная необходимость стимулируют межобщинную кооперацию и формирование надобщинных организационных структур, выход управленческой деятельности за рамки отдельной общины. Разделение организационно-интеллектуальных производственно-исполнительских функций утверждает в конечном итоге и на уровне племени-вождества⁴.

Разделение опредмечивания, использование более совершенных орудий и пока ещё немногочисленных рабов способствует росту интенсивности и производительности опредмечивания. Увеличиваются объёмы производства прибавочного продукта, а само это производство становится привычным и практически непрерывным. Следовательно, на субстанциональном уровне утверждается разделение опредмечивающей деятельности на необходимую и прибавочную составляющие. Развитие обмена излишками продукции между не родственными общинами означает, что *экзоориентирован-*

³ См.: Румянцев А. М. Возникновение и развитие первобытного способа производства. Первобытное воспроизводящее хозяйство (политико-экономические очерки). – М., 1985. – С. 117.

⁴ См.: Павленко Ю. В. Історія світової цивілізації: Соціокультурний розвиток людства: Навч. посіб. – К., 1996. – С. 208.

ной становится та составляющая прибавочного опредмечивания, которая "ответственна" за производство обмениваемой части прибавочного продукта. Необходимое и прибавочное опредмечивание, направленные на удовлетворение потребностей общины и родственных ей общин, обретают статус *эндоориентированных*.

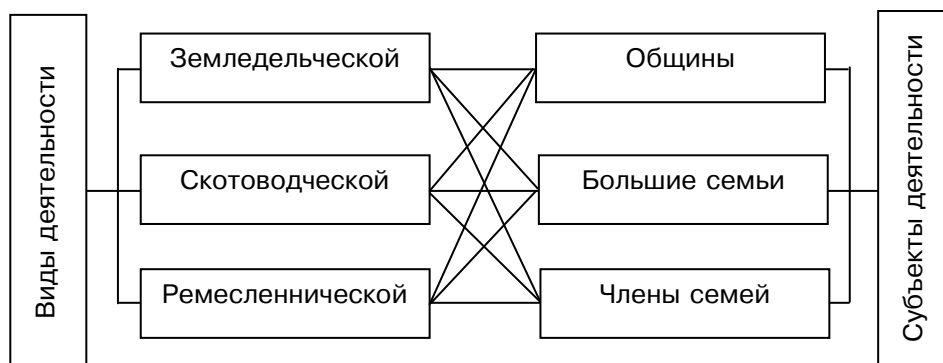

Рисунок. Разделение опредмечивающей деятельности

В экзоориентированном прибавочном опредмечивании *обозначаются* общественная и частная и соответственно абстрактная и конкретная составляющие. Их исчерпывающая характеристика представлена в "Капитале" К.Маркса (имеются в виду соответствующие последним общественный и частный, абстрактный и конкретный труд), и здесь нет необходимости ретранслировать известные положения. Ясно одно: в некогда едином и недифференцированном опредмечивании постепенно выделяются те составляющие, которым в будущем суждено стать субстанциональными детерминантами и носителями связей между людьми и потеснить в этой роли господствовавшее в докапиталистическую эпоху биоочеловечивание в форме физического производства человеческого индивида как члена того или иного рода. В частности, уже в рассматриваемый период опредмечивание (труд) вообще, как затраты существенных человеческих сил, принимает форму абстрактного в той мере, в которой начинает выполнять роль носителя связей между субъектами (общинами, большими и малыми семьями, социальными группами), производящими продукт не для собственного потребления, а для обмена.

В соответствии со сдвигами опредмечивания новый импульс получают обозначившиеся ещё в неолите изменения в **очеловечивании**. Прежде всего, взаимно адекватными являются специализация, усложнение *непосредственного опредмечивания* и *опосредованного очеловечивания*. Так, переход от суточного цикла собирательства к сезонному в земледелии сопровождался вызреванием таких принципиально новых качеств, как терпение, дисциплина, систематическое и длительное напряжение сил, предвидение. Вырвавшись из "объятий" суток, человек научается видеть не только мир общины. В каждом из специализированных видов опредмечивания ведущую роль начинают играть *сложные наноинституты* – комплексы осознанных деятельностных паттернов, которые переплетаются с существующими протоинститутами. Будучи доведёнными до известного уровня совершенства, в том числе сочетания с природными стандартами, и автоматизма регулярным и многократным повторением из поколения в поколение, указанные комплексы переводятся в область подсознательного и обретают статус *рутин – протоинститутов II рода*.

Как известно, рутины земледелия и скотоводства весьма инертны и предполагают достаточно жёсткое закрепление определённых функ-

ций и действий за отдельными исполнителями и управленцами, тем самым сковывая личную инициативу. Однако при этом вовсе не исключаются различия в качестве освоения рутин, личных умениях и отдаче. Следование рутинам не является абсолютным и в силу природных "сюрпризов". Поэтому коллективизм земледельческой и скотоводческой простой кооперации вполне совместим с известным уровнем индивидуализации как прогресса личных сущностных человеческих сил (СЧС) отдельных членов общины. Рутин же рано или поздно становятся объектом и предметом институциональной деятельности на общинном, межобщинном, а затем и на племенном уровне.

Достигнутая степень разделения опредмечивания исключает возможность освоения одним лицом, даже на протяжении всей жизни, нескольких видов специализированных СЧС (профессиональных знаний, умений, навыков и т. п.). Поэтому последние, как правило, транслируются ближайшим родственникам или передаются по наследству детям. Кстати, в сравнении с традиционными невербальными формами трансляции существенно возрастает роль вербальных форм. Поскольку в силу естественных качеств ключевую роль в большинстве видов деятельности начинает играть мужчина, именно он становится главным носителем упомянутых очеловеченных СЧС, а, следовательно, и главным учителем своих сыновей. Вполне вероятно, что наследование очеловеченных СЧС и элементарных орудий деятельности исторически предворяет и облегчает легитимацию наследования земли, скота, недвижимого имущества.

Кардинальным сдвигом в *непосредственном очеловечивании* стал переход от охотничье-собираческих к сельскохозяйственным культам и ритуалам. *Во-первых*, в формировании последних уже ощутима роль осознанных усилий и действий. Собственно *духовная* деятельность предстаёт здесь в непосредственно *институциональной* форме. Соответственно, наряду с протоинституциональной составляющей упомянутых культов и ритуалов достаточно значимой является собственно институциональная составляющая, и потому они суть *институты* – сплав доминирующих протоинститутов и собственно институтов.

Во-вторых, вместе с этническими протоинститутами сельскохозяйственные институты объективно становятся важной духовной основой взаимодействия и объединения общин (и не только родственных) в племена, племена – в племенные союзы и конфедерации, а этнических групп – в протоэтнос⁵. Упорядочивающая роль старых культов неизбежно снижается. Но они не уходят в небытие. Одни из них становятся преданием, другие – ассимилируются новыми культами, а третьи продолжают существовать в преимущественно маргинальных формах и упорядочивать отдельные аспекты жизнедеятельности общин, больших и малых семей.

В-третьих, отправление новых культов и ритуалов потребовало создания и содержания соответствующих культовых центров, мест, орудий и предметов, а потому – дальнейшего развития архитектуры, изобразительного искусства и художественного ремесла.

В-четвертых, не только в передаче профессионального и житейского опыта от отца к сыну, но и в массовом обучении общинным и племенным протоинститутам и институтам очевидны признаки выделения особой – *образовательной* – деятельности, в которой активно используются как невербальные, так и вербальные средства.

В-пятых, осознанное продуцирование и встраивание в племенные культы и ритуалы, а также в содержание обучения тех или иных пока ещё прими-

⁵ Изначальная включенность культов и ритуалов в "тело" протоэтнуса детерминирует будущую несводимость этноса к кровнородственным, национальным или расовым основаниям.

тивных идей, как правило, отвечающих интересам правящей знати, означает, с одной стороны, рождение *идеологической* деятельности, а с другой (с учётом вышеизложенного) – экспансию духовной власти вообще и идеологической в частности за пределы общины в племенное "пространство".

Таким образом, по глубине и масштабам разделения духовная деятельность отнюдь не уступает опредмечивающей. Разумеется, в каждом из специализированных видов духовной деятельности формируются соответствующие сложные наноинституты и рутины, а также навыки осознания и прочитывания их общих структурных элементов (содержание, условия, характер, санкции, гарант⁶). Этому вполне отвечает усложнение мыслительных операций и появление навыков абстрагирования. Во взаимодействии персонифицирующихся очеловеченных СЧС и возрастающих потребностей в общении естественным образом рождаются пиктография как средство символически-графической фиксации СЧС, прежде всего знаний и информации, и соответствующие ей межобщинные духовные институты.

В *биоочеловечивании* наряду с сохранением ритуалов зачатия и рождения детей, обычаями обмена женщинами, табу на инцест повышается роль осознанных действий. Необходимость укрепления племени и семьи, умножения рабочих рук и воинов, заботы о наследниках привносит в детопроизводство сознательный расчёт. Земледелие, скотоводство и военное дело в особенности придают новый импульс развитию соответствующих "отраслей" и наноинститутов медицины и физической культуры. Хотя биоочеловечивание продолжает "руководствоваться", главным образом, собственными законами, оно уже не может не реагировать на потребности опредмечивания и социоочеловечивания и в этом качестве обретает племенное значение.

Прогресс *непосредственного очеловечивания* (непосредственно очеловечивающей деятельности⁷) в рассматриваемую эпоху позволяет сформулировать некоторые гипотетические предположения о его субстанциональном строении. Субъект очеловечивания – это лицо (группа лиц), которое продуцирует и транслирует СЧС объекту очеловечивания. Субъект осуществляет активное очеловечивание⁸. Объект очеловечивания – это лицо (группа лиц), которое очеловечивается, то есть ассимилирует транслируемые ему СЧС. Объект осуществляет пассивное очеловечивание.

Непосредственное очеловечивание суть противоречивое единство по крайней мере двух составляющих: абстрактной (очеловечивание вообще) и конкретной. Со стороны субъекта очеловечивание вообще предполагает затраты его физических и интеллектуальных сил на продуцирование и/или трансляцию объекту тех или иных СЧС безотносительно к их специфике. Конкретное очеловечивание ответственно за трансляцию объекту вполне определённых специфических СЧС, а потому предполагает затраты субъектом соответствующих вполне определённых собственных СЧС. Например, обучая объект приёмам скотоводства, субъект вряд ли воспользуется специфически "земледельческими" СЧС.

Со стороны объекта очеловечивание вообще отражает затраты его физической и интеллектуальной энергии (сил) на ассимиляцию транслируемых ему СЧС безотносительно к их специфическому содержанию. Конкретное очеловечивание связано с ассимиляцией вполне определённых специфических СЧС, а потому предполагает затраты соответствующих специфических

⁶ Подробнее см.: Тамбовцев В.Л. О разнообразии форм описания институтов // Общественные науки и современность. – 2004. – № 2. – С. 108–109.

⁷ Далее – очеловечивания.

⁸ Здесь не принимается во внимание возможное очеловечивание субъекта вследствие разоочеловечивания ("распредмечивания") им объекта в процессе очеловечивания последнего.

СЧС объекта. Так обстоит дело во *взаимоочеловечивании*, где субъект и объект представлены разными лицами и могут меняться ролями. В случае *самоочеловечивания* человек одновременно осуществляет активное и пассивное очеловечивание, является его субъектом и объектом.

По аналогии с опредмечиванием в очеловечивании с известной мерой условности можно выделить *необходимую* и *прибавочную* составляющие. Для субъекта (объекта) затраты СЧС в процессе необходимой деятельности эквивалентны затратам на продукты опредмечивания и очеловечивания, потребные для нормальной жизнедеятельности субъекта (объекта). Необходимые затраты СЧС субъекта определяют количество и качество СЧС, продуцируемых и транслируемых им объекту. В свою очередь, необходимые затраты СЧС объекта определяют количество и качество ассимилируемых им необходимых СЧС. Но субъект способен продуцировать и транслировать больше СЧС, чем это необходимо для его нормальной жизнедеятельности. Точно так же объект способен ассимилировать СЧС больше, чем это необходимо для его нормальной жизнедеятельности. Очевидно, указанные дополнительные СЧС продуцируются и транслируются субъектом и ассимилируются объектом в процессе их прибавочной деятельности. Разумеется, не все продуцируемые СЧС могут транслироваться и не все транслируемые СЧС могут ассимилироваться. Следует подчеркнуть, что представленное здесь субстанциональное строение имеет смысл в контексте тех условий, в которых оно рождается, то есть межобщинного и племенного взаимодействия опредмечивания, опосредованного и непосредственного очеловечивания.

Институционализация племени как универсального образования

В результате углубления разделения деятельности расширяет сферу влияния и становится многообразнее *социальная стратификация*. Интенсифицируется профессиональное и имущественно расслоение общин, родовых линий и семей, разнообразятся формы взаимодействия традиционных и новых социальных слоёв: наложение, симбиоз, взаимопроникновение и т. д. Чётче обозначаются и укрепляются границы социальных образований (соцобров), усиливается их внутренняя регламентация.

Постепенно уходит в прошлое последовательная смена общинником социальных ролей и функций на протяжении жизни и начинает утверждаться их закрепление за отдельными общинниками или группами, а также наследование обретаемого таким образом социального статуса⁹. Соответственно закрепляется генерационная трансляция микроинститутов отдельных соцобров. Трансгенерационные протоинституты дополняются трансгенерационными микроинститутами. Первые продолжают обеспечивать прочность единой социальной ткани общины, последние вкупе с мезоинститутами делают её неоднородной. Ведущими субъектами формирования и осознанной трансляции микроинститутов становятся наиболее влиятельные представители (знать, "элита") соцобров, например, признанные профессионалы, знатные и/или состоятельные родичи.

Трансгенерационная трансляция микроинститутов сопровождается их трансформацией (как неосознанной, так и сознательно направляемой) в протоинституты II рода. Микроинституты групп рабов, слуг и неполноправных являются, главным образом, продуктом сознательной институциональной деятельности общинной и племенной знати. В силу отсутствия соответствующих аналогов в качестве "сырого материала" при этом используются некоторые рутины скотоводства.

⁹ См.: Павленко Ю.В. История мировой цивилизации: Социокультурный развитие человечества. – С. 208.

Рано или поздно соцообрам становится тесно в рамках своей общины. Вместе с ними на межобщинный простор выходят и имманентные им микро- и мезоинституты. С одной стороны, в процессе спонтанного взаимодействия соцобров и их институтов различных общин рождаются соответствующие межобщинные соцобры (например, ремесленников) и адекватные им межобщинные социальные институты, а с другой – возникает объективная необходимость "стыковки" и координации социальной деятельности сходных и различных соцобров и их институтов. В этом контексте вполне естественным и отвечающим объективной логике генезиса племени является становление высшего племенного (надобщинного) соцобра – племенной знати (элиты) во главе с вождём и племенных (надобщинных) социальных макроинститутов.

С учётом имеющихся исторических свидетельств и реконструкций¹⁰ в указанном процессе с известной долей условности можно выделить *три* основных этапа. *Изначально* родственные общины не обладали сколько-нибудь значительной автономией. Даже расстояния, на которые они расселялись, нельзя считать разъединяющими. Под влиянием доминирующего родства и культово-ритуального единства центростремительные силы относительно слабых экономических и социальных связей преобладали над центробежными. По мере усложнения этих связей традиционные встречи родовых лидеров, посвящённые обсуждению и координации совместных действий (в земледелии и скотоводстве, в распределении избыточного продукта, обмене с не родственными общинами, военными), становятся регулярнее. Вероятно, роль "председателя" этих собраний поручалась либо лидеру старшего рода, либо родовым лидерам поочерёдно. Так появляется должность вождя. Первоначально он выполняет временные функции, делегированные ему родовыми лидерами, а потому его первенство среди равных эпизодично. Межобщинные связи и институты активно выстраиваются, а надобщинные – только рождаются.

Второму этапу соответствует закрепление за вождём повседневных управленческих функций, связанных с различными аспектами усложняющейся совместной жизнедеятельности общин. Персона вождя становится, как правило, постоянной, но первоначально выборно-сменяемой. Основанием для последующего закрепления за тем или иным родовым лидером должности вождя племени могла быть его принадлежность не только к старшему роду или сакральной элите, но и к общине, сильнейшей в экономическом и/или военном отношении. Вероятнее всего, в каждом конкретном случае решающим оказывалось то или иное сочетание указанных оснований. Но в любом случае род вождя получает и, как правило, успешно реализует возможности упрочения своего имущественного, военного и сакрального положения, активно формирует соответствующие микро- и мезоинституты.

На *третьем* этапе должность вождя становится наследственной, а за лидерами младших родов закрепляются протоаристократические социальные статусы. Возникает достаточно сложное высшее племенное социальное образование – *властная корпорация*. Постепенно последняя обретает всё более жесткое иерархическое строение. Её вершину образует сакрализованный вождь со своим кланом¹¹, нисходящие "ступени" – кланы лидеров общин. Вспомогательную и обслуживающую роль играют полупрофессиональные управленцы, воины, слуги, рабы, некоторые ремесленники и торговцы. Как правило, вождь концентрирует в своих руках и сакральную (духовную), и

¹⁰ См.: Там же. – С. 207–208.

¹¹ Очевидно, клан вождя включает не только его семью и ближайших родичей, но и слуг – исполнителей и проводников его воли.

"светскую" власть. В противном случае история демонстрирует широкий спектр отношений между высшими вождём и жрецом.

Представленные этапы лишь отчасти отражают становление племени как универсумного образования. Но сколько-нибудь полная характеристика соответствующих темпорально увязанных универсумных процессов здесь невозможна по причине заданности темы, дефицита необходимых эмпирических материалов и теоретических разработок. Поэтому в дальнейшем внимание акцентируется на институциональных аспектах проблемы.

В контексте институциональной эволюции важны имманентные содержанию указанных этапов создание, трансформация и смена микро- и мезоинститутов различных соцоворов, прежде всего, властной корпорации. По мере укрепления последней её микроинституты становятся всё более устойчивыми и закрытыми, что способствует формированию "элитарной" субкультуры. Настойчивее и результативнее становятся попытки властной корпорации представить собственную социальную деятельность как политическую, а собственные мезоинституты превратить или положить в основание племенных политических макроинститутов и тем самым укрепить своё положение, а, следовательно, и социальное неравенство.

В самом общем смысле *социальное неравенство* – это социальная неидентичность, нетождественность, неидентичное социальное положение отдельных лиц и групп (образований). Оно порождается не столько естественным, сколько искусственным в человеке, не столько его поведением, сколько деятельностью и её присвоением. Вместе с умножением количества соцоворов и усложнением их внутреннего строения социальное неравенство обретает соответствующие разнообразным формам: статусное, сакральное, профессиональное, имущественное и т. д. В период становления и укрепления племени эти формы неравенства преимущественно не антагонистичны, но только между родственниками и родственными соцобрами. Не освящённые традицией смертельные схватки за должность вождя достаточно редки. Напротив, между не родственниками или не родственными соцобрами начинают преобладать антагонистические формы неравенства, нуждающиеся для поддержания статус-кво в силе не столько традиций, сколько оружия. Поскольку же по мере усиления миграции, роста количества межплеменных военных столкновений, захватов и неизбежного вследствие этого смешения родов уровень кровной однородности общин и соцоворов снижается, постольку база антагонистического неравенства расширяется, и, следовательно, традиционные формы его поддержания и упорядочения жизнедеятельности племени всё чаще дополняются и вытесняются пока ещё не традиционными насильственными.

Более чётко обозначается *территориальный* аспект неравенства. Протогородское поселение вождя и его клана постепенно перебирает на себя культово-ритуальное, экономическое и политическое лидерство, а потому и развивается интенсивнее. Чем далее, тем различия между центром и периферией племени становятся ощутимее.

Изменяется и ситуация в *семье*. Как известно, парная семья возникла ещё в материнской общине. Но она не была самостоятельной хозяйственной единицей, а потому – устойчивой¹². Утверждение отцовского рода свидетельствует о том, что, хотя природность по-прежнему детерминирует социальность (социальный статус того или иного лица в позднем племени определяется фактом рождения), социальное начало становится более эмансипированным. Мужчина как глава семьи в сравнении с женщиной теснее вплетён в социальные связи и более дистанцирован от

¹² См.: Румянцев А.М. Возникновение и развитие первобытного способа производства. – С. 69.

природных. Возникновение патриархального рабства в большой и малой семье свидетельствует о проникновении социального неравенства и в "первичную" ячейку племени.

Как это ни покажется парадоксальным, но прогрессирующее социальное неравенство катализирует процессы индивидуализации. Попадая в его "сети", становясь объектом его различных форм и сталкиваясь с разнообразием социальных типов и ролей, человек как бы наблюдает себя в разных зеркалах и тем самым убеждается в своем отличии, непохожести на других. Правда, это социальное "я" ещё робко и неустойчиво, подвержено внешним влияниям, но уже побуждает человека к тем или иным социальным действиям, пусть и эпизодическим.

Рассмотренные социальные изменения, безусловно, институциональны, поскольку 1) первоначально опираются и легитимируются укоренёнными столетиями протоинститутами; 2) сопровождаются их модификацией, формальным следованием, но содержательным отказом от некоторых или многих из них; 3) предполагают формирование принципиально новых институтов, их насаждение, утверждение и перевод в протоинституты II рода. В результате этих процессов, во-первых, усиливается институциональная неоднородность племени. Чем далее, тем более оно становится полем взаимодействия общеплеменных (племенных), а также разнообразных общинных, групповых, семейных и индивидуальных институтов и протоинститутов. Во-вторых, обозначается *институциональное неравенство*. С одной стороны, продуцируемые властной корпорацией институты легитимируют, "узаконивают" неравенство, в том числе и неравенство доступа к институтам разных соцобров, а с другой – отдельные лица, группы, соцобры и общины могут демонстрировать разное отношение к имеющимся протоинститутам и институтам: от слепого подчинения до активного неприятия.

Указанные социальные процессы и их результаты были бы невозможны без соответствующего усложнения социальной деятельности как их субстанциональной основы и перводвигателя. Чтобы обеспечивать надлежащее упорядочение жизнедеятельности того или иного соцобра, она ассимилирует важные функции иных видов очеловечивания и таким образом в разных отношениях выступает социоуправленческой, социоидеологической, социообразовательной, социоинституциональной. Её наиболее активными субъектами становятся лидеры соцобров, а важнейшими социальными действиями – оформление чётких границ соцобра, регламентация его пополнения отдельными лицами и исключение лиц, ограничение или запрещение тех или иных действий, контроль за исполнением соответствующих рутин (статусных предписаний), координация усилий членов соцобра, трансляция социального опыта, легитимация и укрепление положения и роли данного соцобра в племенном унobre. Соответственно этим действиям наряду с "неолитическими" результатами социальной деятельности – соцобром как целостностью, микро- и мезоинститутами, появляются макроинституты (продукт деятельности властной корпорации), протоинституты II рода, рутины, примитивные согласительные процедуры и т. п.

По своей природе макроинституты являются *политическими*, поскольку призваны упорядочивать жизнедеятельность племени как целостности. Но, как следует из вышеизложенного, в позднем племени они суть результаты не столько совместной деятельности знати разных общин, сколько *социальной* деятельности верхушки властной корпорации. Этот парадокс легко разрешим, если учесть, что социальная деятельность подменяет, вытесняет политическую, становится социально-политической в той мере, в какой мезоинституты властной корпорации становятся племенными макроинститутами.

В самом деле, трудно себе представить, чтобы властная корпорация продуцировала последние, игнорируя свои узкокорпоративные интересы. Лишь на этапе формирования племени племенные макроинституты были результатом, главным образом, социально-политико-институциональной деятельности лидеров общин и соцовров. В позднем племени ключевую роль в их производстве играет верхушка властной корпорации, общины же и соцовры вынуждены "выстраиваться" по заданному таким образом "ранжиру". Разумеется, в любом политическом процессе, в том числе современном, чрезвычайно трудно разграничить собственно политическую и социальную составляющие. Но для более глубокого понимания его (процесса) истинной природы, реальных, а не популистских целей политиков такое разграничение императивно. Не исключено, что для этого может быть использован *институциональный* критерий. Как правило, институты – определеннее и очевиднее, чем нередко скрывающаяся от посторонних глаз институциональная деятельность. Поэтому их содержание, характер и целевая направленность может свидетельствовать об истинных, а не декларируемых интересах и намерениях политиков.

Становление и укрепление племенных унобров было бы невозможно без соответствующего прогресса *политической* деятельности, смещения приоритетов в её субъектах, объектах, содержании, видах и результатах. На начальном этапе становления племени её наиболее активными и влиятельными субъектами были лидеры общин, которые, с одной стороны, олицетворяли опыт такой деятельности на общинном уровне, а с другой – в полном соответствии с её существом и собственным статусом вынуждены были искать пути выживания общин и упрочения своего положения в новых условиях. По мере укрепления фигуры вождя он становится ведущим субъектом политической деятельности, способным выполнять, в том числе, те политические функции, которые не присущи лидерам общин. Соответственно растёт и политическая активность властной корпорации.

Изменяется и объект политической деятельности. Первоначально это, преимущественно, общины и межобщинные связи, из которых и вырастает племя, затем – племя в целом, общины как его составляющие, многочисленные соцовры и группы, а также соседние племена и общины.

Содержательно политическая деятельность усложняется и дифференцируется. Так, в её составе более отчётливо, чем в других видах очеловечивания, выделяется *властная* деятельность как сознательное и целенаправленное принуждение и подчинение племенным институтам, а также воле вождя и властной корпорации. Если в этнически однородном племени используются, преимущественно, протоинституциональные методы подчинения, то в более поздний период межплеменных войн, захватов и подчинения не родственных, "чужих" племён и общин указанные методы становятся, как правило, неэффективными. Их дополняет, а то и вовсе вытесняет военная сила.

Это свидетельствует о выделении особого вида политической деятельности – *военной*. Её инстинктивные и протоинституциональные истоки нетрудно обнаружить в охоте и, отчасти, собирательстве. Этим во многом объясняется её тварное, вернее, *негочеловечивающее* содержание. О чём идёт речь? С известной долей условности в любой деятельности можно выделить про- и негочеловечивающую составляющие. В самом общем виде первая утверждает *человеческую* жизнь, а последняя – *человеческую* смерть. Их взаимосвязь может принимать самые причудливые формы, так что нередко жизнь утверждается посредством смерти, а смерть – посредством жизни. Негочеловечивающее тем и отличается от тварного, что не только сознательно катализирует животные инстинкты, но и продуцирует такие институты, античеловечность которых преодолевает ограничения даже самых жестоких животных инстинктов.

В военной деятельности негочеловечивание выражено особенно рельефно, ибо изначально вполне осознанно ставится во главу угла, а то и абсолютизируется. Уничтожая человеческое в объекте (а таковыми выступают чужие род, община, племя, человек) военной деятельности, её субъект также негочеловечивается, убивает человека в себе, причем ещё до совершения акта убийства чужого, уже в процессе обучения военной деятельности, усвоения её институтов. Готовность убить человека и сам акт убийства – деяния равно античеловеческие.

Политический характер военной деятельности определяется её направленностью на укрепление племени как целостности, его выживание во враждебной среде и обогащение, в том числе за счёт грабежей и захватов пленных. Вероятно, протоинституты каннибализма угасают вместе с утверждением институтов доместикации, которые делали возможным использование пленных в качестве не средств питания, а "говорящих орудий".

Во взаимодействии политической и институциональной деятельности появляются новые грани. Становится очевидной неидентичность *институционально-политической* и *политико-институциональной* деятельности. В **первом** случае активным, ведущим началом является институциональная деятельность, а ведомым – политическая. Из многих исторических форм такого соотношения наиболее отчётливо в рассматриваемом периоде выделяются две. *Во-первых*. На межобщинном уровне взаимодействий институты общинной демократии достаточно быстро обнаруживают свои пределы. По необходимости занимаясь формированием новых межобщинных институтов (из которых позднее вырастают племенные макроинституты), лидеры общин выступают в качестве политических деятелей племенного уровня. В этом смысле племя возникает раньше, чем фигура его вождя. *Во-вторых*, формируя микроинституты собственного клана и выгодные для него мезоинституты, предпринимая усилия по их легитимации в качестве племенных, вождь придаёт институционально-социальной деятельности политический характер.

Во **втором** случае политическая деятельность активна, доминантна и задаёт параметры институциональной деятельности – прежде всего, её цель, средства и искомый результат. Для рассматриваемого периода характерна такая форма активности, как целенаправленное формирование властной корпорацией политических макроинститутов и их перевод в протоинституты II рода с учётом меньшей затратности протоинституционального принуждения в сравнении с принуждением силой.

Важным результатом взаимодействия политической, социальной и институциональной деятельности является система политических и социальных институтов племени. Её основные составляющие – племенные макроинституты, микро- и мезоинституты клана вождя, общинной протоаристократии, общинные политические институты, институты различных союзов. Постепенно выстраивается и укрепляется *институциональная иерархия* – племенные институты становятся ведущими по отношению к общинным. Усиливается *политическое неравенство* – политическая роль властной корпорации возрастает, а рядовых общинников – снижается. Посредством указанной системы институтов она начинает выполнять ряд *протогосударственных* функций: обеспечение "суверенитета" племени, внешние сношения, организация жизнедеятельности племени как целостности, разрешение споров, сакральная, фискальная.